

Антон Генералов

САМОЛЁТИК
ВОВА

Антон Генералов
Самолёттик Вова. Сказка

«Издательские решения»

Генералов А.

Самолётик Вова. Сказка / А. Генералов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853508-6

Герои этой удивительно доброй книги — люди, животные и машины — живут среди нас, дружат и ссорятся, радуются и огорчаются, работают и веселятся. А ещё — помогают другим, спасают жизни и даже влюбляются! Увлекательная и по-настоящему познавательная история о приключениях самолётика по имени Вова не оставит равнодушными ни больших взрослых, ни их, тоже взрослых, умных и самостоятельных детей.

ISBN 978-5-44-853508-6

© Генералов А.
© Издательские решения

Содержание

1. Как стать человеком?	6
2. Любимая работа	9
3. Обновка	13
4. Лесной пожар	18
5. Настенный рисунок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Самолётик Вова Сказка

Антон Генералов

Редактор Анжела Ярошевская

Иллюстратор Наталия Бабаева

Дизайнер обложки Лана Омелик

© Антон Генералов, 2017

© Наталия Бабаева, иллюстрации, 2017

© Лана Омелик, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3508-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Как стать человеком?

На одном маленьком аэродроме недалеко от большого города жили-были самолёты и вертолёт. Конечно, вместе с ними жили и люди: лётчики, механики, охрана и начальники, куда ж без них. Но самолёты и вертолёт жили там по-настоящему. Они стояли на земле ровными рядами и терпеливо ждали, когда их снова позовут куда-нибудь лететь.

Надо сказать, что самолёты на этом маленьком аэродроме все были одинаковые, и назывались они Ан-2. «Ан» – это сокращение фамилии конструктора Антонова. Вертолёт тоже был все одинаковый, он назывался Ми-8, по фамилии их конструктора, Миля.

Самолёты и вертолёт часто разговаривали друг с другом. Знаешь, они умеют так разговаривать, что люди их обычно не слышат. Может быть, они разговаривают по радио, ведь у каждого современного самолёта и вертолёта есть радиостанция. Но, скорее всего, это не так, потому что самолёты умеют разговаривать, даже когда их радиостанции выключены. Некоторые люди тоже могут их понимать и с ними разговаривать, а уж у людей-то нет никаких радиостанций, это точно.

Да и тем людям, кто не понимает самолётного языка, ничто не мешает общаться с самолётами по-человечески. И после трудного полёта лётчики говорят «спасибо» своим самолётам, дружески хлопают их по крылу и, бывает, просят прощения, если пришлось жёстко садиться или долго гонять мотор на предельном режиме. Вот и чувствуют себя самолёты почти людьми. Только почему это обидное «почти»?

Один самолётник где-то услышал, что человек есть то, что он ест, и подумал, что всё, наверно, оттого, что люди и самолёты едят разную еду. Самолёты ведь что едят? Ан-2, в основном, бензин. Масло ещё. Сжатым углекислым газом любят полакомиться. А люди? И котлеты, и макароны, и кашу всякую! А когда сидят, ждут погоды, то яблоки грызут, семечки щёлкают. Как, например, Гриша, его лётчик. А пьют квас или кефир. Молоко иногда.

Тогда этот самолётник взял да и отправил заявку: привезти ему вечером пюре 50 килограммов, котлет – тоже 50 килограммов, булочек 100 штук и 20 литров компота из сухофруктов. И когда его пилот ушёл спать, заправил в свой бак котлеты с пюре, выпил компота и булочками закусил. Наелся и, довольный, заснул.

Утром, как обычно, они со своим лётчиком получили задание. Гриша сел в кабину, завёл мотор. Тот поработал немного и вдруг начал чихать, потом кашлять, а вскоре и совсем заглох. Гриша ещё несколько раз попытался завести его – всё бесполезно. Мотор не заводился.

Пришли механики, открыли на самолётике разные дверцы, крышечки, лючки и огорчённо сказали Грише, что его самолёт придётся ставить в ангар.

Многие думают, что ангар – это дом самолётов. Это не так. Самолёты обычно живут на стоянке. В ангарах самолёты чинят. Можно сказать, что ангар – это больница для самолётов.

Гриша, конечно, очень расстроился, и самолётику стало стыдно. Он даже подумал, что Гриша сейчас начнет на него ругаться «чёртовой железью» и «старой развалюхой», как иногда ругаются шофёры на свои машины. Но Гриша ругаться не стал. Лётчики, кстати, никогда, ни при каких обстоятельствах не ругают свои самолёты. Он часто заходил в ангар, где работал механик Артём со своими помощниками, помогал подержать чего-нибудь, поднять, закрутить. А сам начал разговаривать со своим самолётом:

– Чего это ты удумал? Зачем котлет с пюре наелся?

– Я ещё компот с булочкой... – виновато отвечал самолётик.

– Артём! – крикнул Гриша. – Посмотри ещё нагар сахара в цилиндрах, и бензопроводы от теста надо прочистить.

– Так зачем ты еду из столовой ел? – продолжал дознаваться он.

– Я хотел человеком стать...

– Чего? – удивился Гриша.

– Так ведь человеком быть лучше: ходишь куда хочешь, ешь всякое разное, а не только бензин с маслом... Я и подумал: буду есть, что и вы, и стану человеком.

– Эх, ты, глупый! Настоящий человек – это не тот, кто котлеты ест и компот пьёт. Настоящий человек – это тот, кто думает, работает и делает добро людям.

– А я ведь думаю?

– Думаешь, конечно, – отвечал Гриша, заглядывая ещё в какой-то лючок.

– И работаю?

– Мне ль не знать! Мы ж с тобой вместе работаем.

– А мы с тобой делаем добро людям?

– Ещё сколько!

– Значит, я человек? – с надеждой спросил самолётик.

– Ну, не совсем. Имя тебе нужно.

– Как у тебя?

– Как у всех. Как у Артёма, как у Родиона Павловича, как у Оксаны и у Ани.

– А какое имя у меня будет?

– Ну, ты уже не новорождённый, сам можешь выбрать. – Гриша похлопал самолётик по крылу.

– А фамилию какую мне придумать?

– А фамилию, друг мой, не выбирают. Её тебе уже дали. Ан-два твоя фамилия.

– А у вертолётчиков у всех фамилия Ми-восемь?

– У наших – да. А есть ещё другие самолёты и вертолёты, и у них свои фамилии.

В строй самолётик вернулся с новым человеческим именем Вова, с чистыми цилиндрами, новым маслом в моторе и полным баком свежайшего, чистейшего бензина Б-91. Самолёты, да и вообще все механизмы, очень любят всякие цифры и сокращения. И люди, которые много с ними работают, тоже.

Рассказал Вова своим друзьям и товарищам, что он стал человеком. И что стать человеком довольно просто, достаточно придумать себе имя, и всё. И что лично его теперь зовут Вова. Вот так-то! Все самолёты и вертолёты невероятно обрадовались и зашумели так, что даже люди их услышали и побежали смотреть, всё ли с ними в порядке, не завёлся ли у кого сам по себе двигатель. А это самолёты и вертолёты выбирали себе имена.

Появились Дима, Паша, Артур и Руслан. Гоша, Саша, Алёша и Игорь. Аня, Сеня, Полина и Серёжа. Маринами захотели стать сразу два самолёта.

Но они даже спорить не стали, кому достанется понравившееся имя, а решили вопрос по-своему, по-самолётному, и назвали Мариной-1 и Мариной-2. Представляешь, одну стали звать «Марина-один Ан-два», а другую – «Марина-два Ан-два». Они, оказывается, подружались ещё на заводе. А вертолёт Полина сразу сказала, что фамилия Ми-8, как у всех, ей не нравится и что она попросит своего лётчика, чтобы ей сделали модификацию. «А», как она знает, уже не делают, а вот «МТ» или даже «МТВ» сейчас очень модно. Особенно, если написать на иностранный манер.

2. Любимая работа

Одна из самых приятных работ для Ан-2 и Ми-8 – это возить парашютистов на прыжки. Парашютисты бывают разные. Есть военные десантники, есть пожарные. Есть спортсмены и просто любители острых ощущений. Некоторые любители прыгают прямо с гор, с высоких домов, с башен и заводских труб. Им не нужны ни самолёты, ни даже вертолёт.

Десантники прыгают только с самолётов. Никаких вертолётов! На войне ведь нужно лететь быстро, чтобы враг не успел подбить, а тихоходный вертолёт – отличная мишень. Поэтому у десантников есть свои большие и быстрые самолёты Ан-12, Ил-76, Ан-124. Эти самолёты летят на скорости километров 300 в час, открывают большой люк сзади, и десантники выбегают из самолёта один за другим как можно скорее, чтобы приземлиться недалеко друг от друга. Потом нужно аккуратно опуститься на землю, ничего себе не повредив, оружие не потеряв, и – сразу в бой.

Чтобы научиться так делать, сначала нужно несколько раз прыгнуть на маленькой скорости, но большие самолёты медленно летать не умеют. Вот тут и пригождается Ан-2. Он может лететь со скоростью автомобиля – 100—120 км/ч.

Парашюты у всех десантников одинаковые. У тех, которых наши самолётики возили, были парашюты Д-6.

Десантники, даже новички, ребята смелые. Даже если кто и боится высоты, этого не показывает. И командиры у них строгие.

– Отделение! Равняйся! Смирно! – командует сержант. – Приготовиться к погрузке! Бегом марш!

Пять секунд – и десять человек уже в кабине.

Одна неприятность от них: обязательно кто-нибудь нацарапает на скамейке или прямо на обшивке «ДМБ – такой-то год». Лётчики каждый раз ругают командиров, а те – своих солдат, но всё равно каждые полгода хоть одна новая надпись да появляется.

Вот и в тот день Гриша всем командирам, офицерам и сержантам строго-настрого приказал, чтобы никто ничего не писал, а то самолёту больно, он очень обижается и в этот раз никого не простит. Все десантники дружно посмеялись. Авиаторы, подумали они, тоже шутят.

Возили десантников четвером: Вова, обе Марины и ещё один военный Ан 2. Он был зелёного цвета, с красными звёздами, весь чистенький, свеженький, потому что летал мало, и от этого казался каким-то сытым, даже пухленьким. Он был очень рад полетать. Хотя бы немного.

Работали чётко и слаженно. Погрузка, взлёт, выход в зону, скорость 120, готов – пошёл, посадка, снова погрузка. Оставалось Вове последнюю партию десантников свозить, заправиться и – домой! Взлетели. Чувствует Вова – что-то скребется у него в грузовой кабине. Так и есть: один солдат, делая вид, что подтягивает ремни, тихонечко царапает обшивку. «ДМБ» уже нацарапал, теперь цифры выводит.

– Гриша, – чуть не заплакал Вова, – чего он там царапается?!

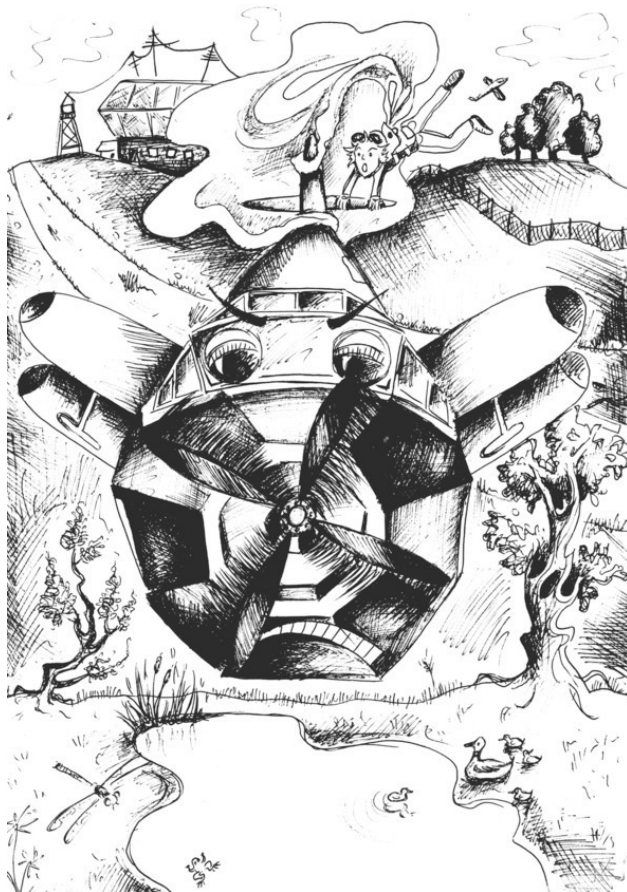
– Что? Опять? Где болит? – посочувствовал Гриша.

– Да нет, не больно, только щиплет немного по правому борту у 12-го шпангоута. Но всё равно я на него обиделся! Вот!

– Потерпи чуток, Вова. Мы же на задании. А вот сядем – ух, и скажу я их командиру!

Вошли в зону, легли на курс, установили скорость. Гриша включил в кабине специальный десантный светофор. «Приготовиться» – это жёлтый свет. Командир открыл люк. Можно прыгать. Зелёный – означает «Пошёл».

Вот подходит к люку солдат-хулиган. Вдруг самолёт сам по себе как дёрнется! Как подпрыгнет! И десантник летит не вниз, как все, а вверх. Стабилизирующий парашют у него сразу вышел, и Вова ловко подцепил его за этот маленький парашютик своим хвостом.

Все перепугались. Командир приказал остальным десанникам быстро сесть на места, а сам стал показывать зацепившемуся солдату, что делать.

Гриша переключил десантный светофор на красный и повернул к дому.

– Вова! Признавайся, это ты его так?

– А что, заметно? – с самым невинным видом осведомился Вова.

– Ты с ума сошёл? Там же живой человек!

– А я кто? И потом, это была просто воздушная яма. Тур-бу-ленция! Короче, курс на Лужу.

– Есть курс на Лужу!

Гриша сразу понял хитрый замысел своего самолёта. Лужей – именно так, с большой буквы – на аэродроме называли небольшое болотце, которое находилось между взлётной полосой и КП.

Перепуганный солдат всё пытался обрезать стропы парашюта специальным ножом, чтобы спуститься на запасном, но его так болтало, не без чьей-то помощи, что у него ничего не получалось. И вот уже над самым аэродромом самолёт, против Гришиной воли, снова трянуло что было сил, и парашют отцепился.

Хулигану было уже не до того, куда приземляться, да и какая управляемость у Д-6? Как миленький плюхнулся в самую середину Лужи. А там – по колено глубина, если пеш-ком заходить. А если с разгону, так и по пояс!

Мало того, что над незадачливым художником смеялся весь полк и что ему пришлось сушить парашют, так его ещё наказали и посадили на гауптвахту. А когда он с неё вышел, специально поехал на аэродром, где под чутким руководством Артёма закрашивал Вовину обшивку.

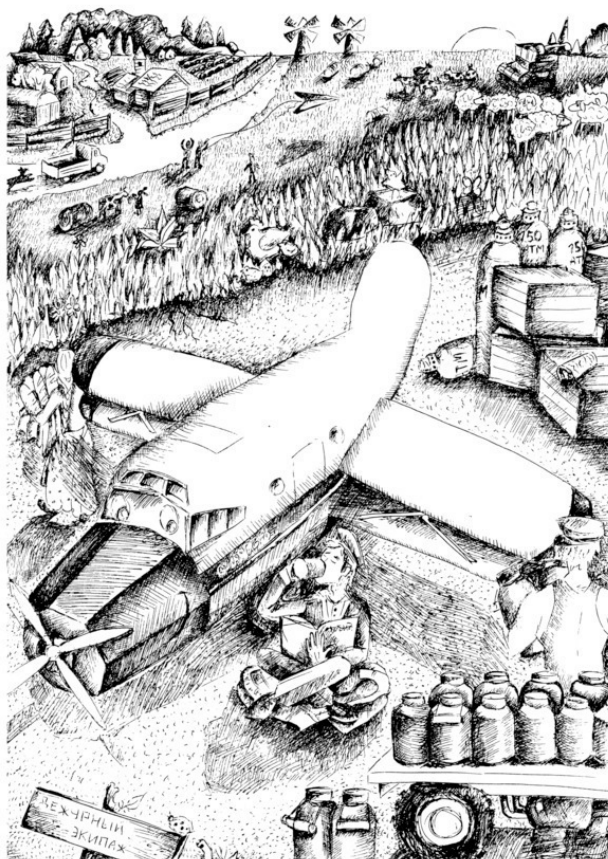
Говорят, после этого он больше не хулиганил, очень бережно относился не только к самолётам, но и ко всей технике, стал отличником боевой подготовки и после армии поступил в училище, чтобы стать офицером.

3. Обновка

День был ясный, теплый и солнечный. К тому же выходной. Работы не было, и самолёты скучали на стоянке. Не надо думать, что для самолётов полёты – это тяжёлая работа. Самолёты, да и вертолёты тоже, любят летать. Только в полёте живут самолёты.

Вова был дежурным, и ему все завидовали. Это означало, что если вдруг появится какая-то необходимость, полетит именно Вова. Все остальные бездельничали. Паша считал кузнечиков, которые допрыгивали до его нижнего крыла, а Полина читала «Авиаполитен». Ей очень понравилась модификация «П» для вертолётов Ми-8. У них такие большие квадратные окна! Не то что её малюсенькие иллюминаторы. А сиденья! Не откидные деревянные скамеечки, а нормальные, мягкие кресла. При желании, наверное, можно было бы их и розового цвета заказать. Но это серьёзная операция. Может, всё-таки просто «А»? А в Германии, говорят, делают «АМГ», у них это называется тюнинг.

– Ой, не знаю. И посоветоваться не с кем, – вздыхала Полина.

Гриша сидел в тени под Вовиным крылом и читал учебник английского языка, а Вова баловался с радиостанцией.

– Илюха! Ты здесь? – вызвал Вова своего знакомого Ту-214 с соседнего большого аэродрома.

– Вова! Это кто тебе дал радио включить?

– А я дежурный. Чего вчера не отвечал?

– Да Шеннон вылета не давал, – немного хвастливо ответил Илья и добавил: – От Насти тебе привет.

– От какой Насти?

– От Ил-62. Во Владивостоке пересекались.

– Ага. Спасибо. Я её на коротких волнах попозже вызову. Ну, привет.

В радиии раздался тонкий прерывистый писк и бульканье.

– Разведка? Ты, что ль?

– Слушаю вас, борт 316, – ответил низкий женский голос.

– Аньк! Ага, я. Что-то ты низко сегодня.

– Ну, как низко – 318 километров в перигее. У меня коррекция орбиты. Дурака валяю. Еще сутки бездельничать. Слушай, сейчас телеметрия пойдёт, прерываюсь. На следующем витке тебе брякну. До связи!

– Пока!

Спутники иногда пролетают довольно низко над землёй, но они всегда очень заняты, чтобы просто так поговорить.

– Ground control to flight SU one eight two, – читал Гриша, закрыв полстраницы ладонью. – Земля контроль рейсу эс-у сто восемьдесят два, – переводил он и потом заглядывал в ответ: – Ха! Правильно! Fuselage – это понятно... Rudder – руль, flaps – закрылки.

– Поршень? – предложил Вова.

– Piston, – не задумываясь, ответил Гриша.

– Винт?

– Screw, или airscrew.

– Первый – борту 316. Прибыть на командный пункт для получения задания.

– Э-э-э... First to board three one six. Arrive to control centre for... как будет «получение»?

– А вот подойди на КП и спроси. Это тебя Родион Павлович вызывает.

– Ой, ёлки-палки! Так бы сразу и сказал!

Гриша бросил учебник на бетон, вскочил и побежал к маленькому домику, покрашенному в крупную бело-красную полоску, с большим стеклянным куполом на крыше. Вернулся довольный, радостно поигрывая планшетом.

– Ну, что, Вова, радуйся! Летим! – объявил Гриша и полез в кабину.

Остальные самолёты завистливо загудели.

Лететь надо было на соседний военный аэродром. Самолёты там были большие и быстрые. Когда они пролетали над нашим аэродромом, толком поболтать с ними никто не успевал. Привет-привет, пока-пока – и вояки исчезают за лесом, оставляя свой собственный звук догонять их.

У всех военных лётчиков есть с собой парашют на случай, если самолёт сломается в воздухе. Или если враг собьёт. Тогда лётчик дёргает за специальный рычаг и вместе с креслом вылетает из самолёта. Это называется катапультирование. А потом, отстегнувшись от кресла, опускается на землю на парашюте. Парашют у лётчиков называется «спасательный», значит, его марка начинается с буквы... Правильно, «С». К счастью, сейчас по самолётам никто не стреляет, сами самолёты ломаются редко, а тренироваться прыгать с парашютом лётчикам надо. Своего Ан-2 у них, понятное дело, нет, вот и берут напрокат у соседей.

Вова очень торопился на свою любимую работу и от нетерпения всё время пытался лететь быстрее, но Гриша каждый раз благоразумно прибирал газ.

На военном аэродроме Гриша ушёл на их КП, а Вову заправили и дали ему место в строю рядом с большими реактивными самолётами. Это были очень серьёзные военные самолёты. Много они не болтали, боялись, наверное, случайно разгласить какой-нибудь важный секрет. Но, скорее всего, им было не до того: они всё время любовались собой, какие у них замечательные приборы, прицелы, локаторы, пушки, бомбы, ракеты и всякие другие дорогие и красивые штучки. Всю эту красоту им подарили конструкторы и инженеры, что не мешало самолётам хвастаться ими, как своими. Особенно перед маленькими.

Фамилия у них была МиГ-31. Питались военные самолёты, как и наши вертолёты, керосином, только съедали его за раз тонн по 18. И ещё спиртом, чтобы в мокрую холодную погоду на них не образовался лёд.

По профессии они были истребители-перехватчики. Это значит, что они должны были лететь навстречу вражеским самолётам и ракетам, что и называется «перехватывать». А потом стрелять в них ракетами и из пушек, чтобы они взорвались в воздухе или упали на землю. Это называется «истреблять».

Стоявших рядом с Вовой истребителей звали Даша и Денис. Сначала они тоже были не очень разговорчивыми, но спустя некоторое время уже весело болтали с Вовой. Вова рассказал, как однажды сбросил вредного десантника прямо в лужу и без всякого прицела. Истребители тоже травили всякие байки. Летали они вместе, в паре, случаев помнили много и рассказывали интересно.

– ...Ну, Диня, значит, уже сел, гляжу – рулит. Тут и мы на посадку. А полоса, я говорила, скользкая, ветер в хвост. Я своему говорю: мол, скорость-то аж 326! А ему что? Садится. А я сама чувствую: ой, вылетим мы с полосы, как джинн из бутылки! Ну, и открыла тормозной. На такой скорости, сам понимаешь, он ка-а-а-ак дёрнет! Короче, пришлось менять парашют.

– А тот парашют что, в ключья? – заинтересованно спросил Вова. Увлечённая рассказом Даша не заметила подвоха.

– Ты чё, совсем?! – раздражённо, оттого, что её перебили, ответила она. – Нет, конечно! ПТК-10240—65, они ведь крепкие. Так, на всякий пожарный заменили. В общем, с КП майор орёт моему...

– А старый-то остался?

– Кто старый? Майор? Он молодой ещё.

– Да нет! Парашют старый остался у тебя?

– Наверное, остался. Валяется где-то. А что?

– Даша, подари мне его! – Если бы кто-нибудь видел в этот момент Вовины глаза, то, не раздумывая, дал бы ему блюдечко молока и полсосиски.

– На что он тебе? – У Даши другое зрение, не как у людей. В смысле, не как у двуногих, бескрылых людей. – Ты и без парашюта поперёк взлётки садишься.

– Ну, жалко тебе, что ли? Давай махнёмся? Я тебе трёхтональные сигналы для «Риты» скину. А, Даш?

Даша молчала так красноречиво, что было понятно: у неё уже есть сигналы и даже четырёхтональные.

– А я ещё, хочешь, твоего лётчика два раза отвезу прыгать, – добавил Вова.

– А вдруг парашют где-нибудь надорвался? Ты разобьёшься, а я буду виновата.

– Дашка, ты жадина! – сделал вывод Денис. – Вова же в десять раз нас легче. Мы садимся на 270-ти, а у него максимальная – 250. Что там у него порвётся?

Истребители затараторили наперебой:

– Жадина! Старый парашют зажала.

– А ещё с КС-172 летает.

– Она и гильзы от ГШ-6—23, наверное, собирает!

– Ха-ха-ха!

Под таким давлением братьев и сестёр Даша согласилась:

– Ладно. Бери так. Два прыжка для моего меня устроят.

Лётчики, хоть и не десантники, но высоты тоже не боятся, прыгают смело, быстро и весело. Пять раз летали Вова с Гришей, чтобы всем дать прыгнуть по одному разу. Только командир с заместителем и Дашин лётчик прыгнули по два раза.

Вове очень хотелось опробовать свой подарок, но Гриша не дал. Сказал, что их тут засмеют.

– Прилетим домой, там и опробуем.

– Вызови Артёма, – попросил Вова. – Давай сразу парашют прикрепим.

– Не отвечает, – удивлённо ответил Гриша. – Хотя он сегодня тоже дежурный. Странно.

Обратно Вова опять гнал со всех сил, чтобы поскорее воспользоваться подарком. Но в тот день опробовать парашют не получилось. На аэродроме было полно людей, лётчиков и техников. Все успокаивали Полину, которая не на шутку расстроилась из-за своей немодернизированнойности.

Артём сидел в кабине Полины, в недоумении переключая тумблера, рукоятки, рычаги.

Вова встал рядом с Полиной и попытался сам её успокоить:

– Да не расстраивайся ты так! Дались тебе эти квадратные окна! Мне лично нравятся девочки с круглыми иллюминаторами. Давай сейчас Илье позвоним, попросим привезти какой-нибудь заграничный вертолётный каталог. Посмотрим обтекатели, подвесные баки. Смотри, всю противообледенительную жидкость выплакала! Как летать будешь? Ветошь есть?

Полина протёрла передние стёкла дворниками и в последний раз всхлипнула топливным насосом.

– Илюхин позывной знаешь? Только мне всякий «Робинсон» для малявок не нужен. Мне «Белл» или «Сикорски», ладно? А как слетали? Возьмешь меня с собой в следующий раз?

Со стороны ангара показались Гриша с Артёмом. Гриша делал руками широкие округлые движения, а Артём тыкал пальцем в разные части этого воображаемого парашюта и что-то спрашивал. С довольным видом лётчик и механик подошли к Вове.

– Гриш, давай не сейчас. В ангар отъедем, там и поставим.

Уже поздно вечером Гриша тихонько отвёл Вову в ангар, чтобы Артём хорошо и правильно прикрепил парашют. Артёму самому стало интересно, как же такой тихоходный самолёт, как Вова, сможет его применить.

Но Артём этого не увидел, хотя Вова всё-таки воспользовался своим новым приобретением и довольно скоро. Этого вообще никто на аэродроме не увидел.

А кто увидел, тот не заметил. Уж больно все были заняты и не рассматривали чужие парашюты. Но это уже другая сказка.

4. Лесной пожар

Страшное дело – лесной пожар. По телевизору иногда показывают, как горит лес, и то страшно. А на самом деле ещё страшнее. Кроме того, что деревьев самих по себе жалко, сколько ещё гибнет животных! А сколько городов, посёлков и деревень рядом с лесом находится! Ведь людям в них во время пожара жить невозможно от дыма. Да и огонь может перекинуться на дома.

Лес может загореться и сам по себе: от молнии, от разогревшегося перегноя. Но чаще всего лес поджигают, хоть и не специально, люди. Костёр забудут погасить, спичку непогашенную или сигарету кинут – и всё. Тысячи деревьев, из которых можно было бы сделать сотни домов, горы книг и тетрадей, миллионы карандашей, сгорают совершенно зря. Сколько пропадает лесов, в которых могли бы жить и белки, и лисы, и лоси, и медведи!

Поэтому с пожарами борются. Если лето выдается жаркое и сухое, специальные пожарные летают над лесами на самолётах или вертолётах и смотрят, нет ли где дыма. Как только увидят – прыгают с парашютами и гасят. Или вызывают большой вертолёт, который тащит за собой огромный бак с водой и этой водой заливают пожар. Если пожар уже разгорелся, тушить его бесполезно, но можно спасти от него уцелевший лес. Надо только быстро срубить деревья вокруг и повалить их внутрь пожара, а получившуюся просеку вспахать, чтобы трава тоже не горела.

Именно такое жаркое лето и выдалось в тот год. Даже Лужа посреди аэродрома чуть было совсем не высохла. С пожарными летали все и каждый день. Кстати, никогда не называйте тех, кто тушит пожар, пожарниками: они очень обижаются. Их профессия называется «пожарный». Вчера Марина-1 со своим лётчиком заметили маленький пожар, и его прилетал гасить

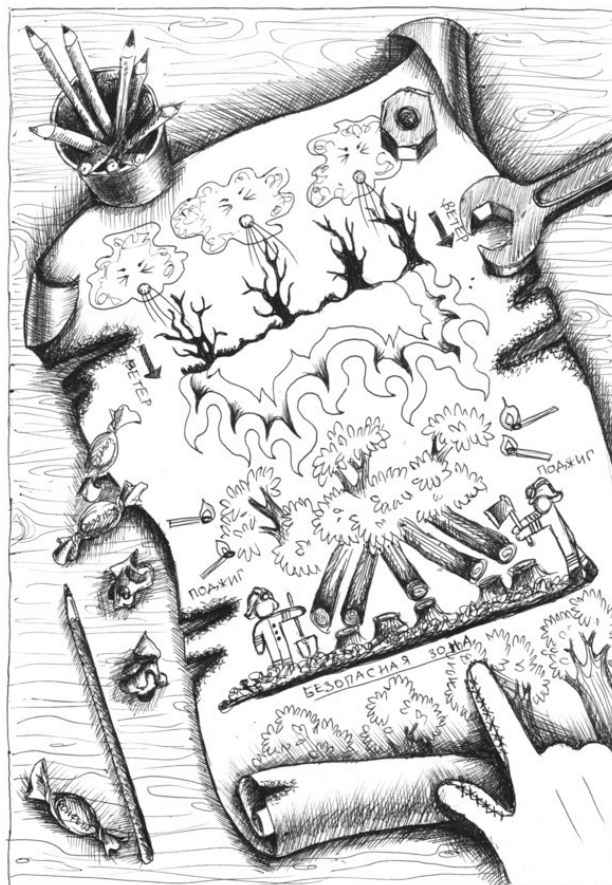
большой вертолёт Егор Ми-26. У него был даже не бак, а большой кусок непромокаемой ткани, вроде паруса, которым он черпал воду из озера и потом заливал ею огонь. Но сегодня утром Саша Ми-8 сказал, что пожар снова разгорелся, да ещё сильнее, чем вчера.

Десантники-пожарные быстро погрузили в Вову свои инструменты: топоры, пилы, верёвки, огнетушители и взрывчатку. Когда надо повалить много деревьев, пилить некогда – их просто взрывают. Запрыгнули сами, и Гриша повёл самолёт на старт.

Быстро долетели до пожара, облетели вокруг него и доложили в штаб, что помощь не требуется. Потом выбрали поляну, на которую можно приземлиться на парашютах. Десантники быстро сбросили свой груз, тоже на парашютах, и вслед за ним выпрыгнули сами. А Вова с Гришей полетели дальше – посмотреть, не горит ли лес где-нибудь ещё.

Пожарные работали уверенно, привычно, быстро, но не торопливо. Пилили и валили деревья, гасили загоревшуюся траву. Чтобы лишить огонь новой «пищи» решили пустить встречный пал.

Это очень сложный приём. Пожар ведь распространяется по ветру. Ветер переносит огонь с горящих деревьев на живые. Но если перед тем, как огонь подойдёт к деревьям, самим их сжечь, то огню станет нечем питаться и он погаснет. Надо только в строго определённое время поджечь лес.

Когда приближающийся пожар втягивает в себя воздух, получается, что ветер дует в другую сторону. Пожарные дождалась такого момента и подожгли только что поваленные ими деревья. Теперь им надо было уходить, чтобы самим не сгореть. И тут они увидели, что из леса, спасаясь от огня, выбежала лосиха, а за ней – маленький лосёнок. Звери очень боятся огня. Это человек, тем более пожарный-профессионал, может перешагнуть через горящую траву или пройти между горящими деревьями. А зверь, даже очень смелый, – нет. Выбежали бы лоси хоть на пять минут раньше, они бы успели убежать. Но навстречу им уже шёл другой огонь, тот самый встречный пал, который пустили пожарные.

Жалко стало пожарным лосиху с лосёнком, и решили они ненадолго погасить несколько деревьев, чтобы сделать для лосей проход в стене огня. Большая и сильная лосиха прыгнула и проскочила огонь, а лосёнок не смог. Так и остался метаться по всё сужающейся полянке. Он мычал и звал свою маму, но она уже не могла вернуться.

Пожарные сообщили в штаб по радио, что спасли из огня лося, а лосёнка спасти не получится, если только немедленно не пришлют вертолёт. На такую маленькую полянку самолёту не сесть. Им ответили, что вертолёт долететь не успеет, пусть действуют сами.

Вова, конечно, тоже услышал эти переговоры по радио и говорит Грише:

- А с парашютом мы ведь сможем сесть?
- Не знаю, – ответил Гриша. – Никто ещё этого не делал.
- Значит, мы будем первыми. Скажи им, пусть расчистят просеку от деревьев.

– Огонь-6, – это такой позывной был у пожарных, – я борт 316. Подготовьте площадку. Иду к вам.

Руководитель полётов, а им в тот день был Родион Павлович, очень испугался и приказал Грише ни в коем случае не садиться в лесу. Но Грише было тоже очень жалко лосёнка, и он не послушал своего начальника.

Как заправский истребитель, вышел Вова на посадочную прямую. Выпустил все закрылки и перед самой землёй раскрыл посадочный парашют. А как только Вова коснулся колёсами земли, Гриша со всех сил нажал на тормозную гашетку на штурвале.

На просеке остался только один пожарный, их командир, звали его Олег. Остальные помогли поймать и связать лосёнка и уже ушли в безопасное место. Олег очень удивился, что прилетел самолёт. Он теперь сам испугался, смогут ли они взлететь. Лосёнка положили в грузовую кабину, Гриша и Олег вручную развернули Вову в другую сторону и привязали его верёвкой к пеньку. Потом Гриша завёл мотор и дал полный газ. И только когда мотор набрал свою полную мощность, все 1000 лошадиных сил, Гриша велел Олегу обрубить верёвку. Вова побежал по неровной просеке что было сил. Перед самыми горящими кустами Гриша потянул штурвал на себя, и они взлетели. Пламя только лизнуло полотняные Вовины крылья, так что они не успели загореться.

– Первый, я 316-й. Огонь-шестого с грузом принял. Возвращаюсь на базу, – доложил Гриша Родиону Павловичу.

Что ответил руководитель полётов, разобрать было трудно, потому что Родион Павлович в это время запивал водой таблетку.

На аэродроме все очень обрадовались. И что Гриша вернулся живым и невредимым, и что Вова цел, и что лосёнка удалось спасти. Правда, Вову всё-таки Артём забрал к себе в ангар, посмотреть, не сломалось ли чего от таких манёвров. А Гришу отправили в больницу, посмотреть, всё ли в порядке у него с головой, раз он решился на такую рискованную посадку.

Пожарные сообщили об этом случае в газету, после чего на аэродром сразу приехали разные журналисты и репортёры, а ни Вовы, ни Гриши там не было. Пришлось срочно их выпускать из своих больниц, чтобы страна знала своих героев. Про Олега и его десантников тоже написали. Вот только лосёнка репортёрам сфотографировать не удалось. Хотя ему построили хороший загон и дали много травы и другого корма, он всё равно всех боялся и прятался. Он не боялся только Аню из столовой, потому что она вкусно пахла и приносила хлеб с солью. Гриша тоже приносил лосёнку хлеб и свежую траву. Лосёнок еду у Гриши брал, но всё равно его боялся, потому что пах Гриша самолётом, а этот запах напоминал лосёнку, как ему было страшно, когда его, связанного, держали на холодном твёрдом полу.

Одна журналистка как-то пробралась на аэродром, когда остальные ушли, и сфотографировала лосёнка и Гришу, а потом ещё хотела познакомиться с Вовой. Но её быстро поймали часовые и увели. Как её звали, Вова так и не узнал и в лицо не запомнил. Фамилия у неё была красивая – Папарацци.

Потом кто-то стал ломать забор вокруг аэродрома. Сначала думали, что это братья той неизвестной журналистки, другие Папарацци. Но на самом же деле...

Впрочем, всё по порядку.

5. Настенный рисунок

Хотя во время спасения лосёнка Вова не пострадал, ничего у него не сломалось и не сгорело, внешность ему слегка изменили. Как на военных самолётах рисуют звездочки за каждую победу, так Вове над люком нарисовали лосёнка. Очень похоже получилось. Только для того, чтобы было понятно, что это не телёнок и не какой-то другой зверь, пририсовали ему ещё и рога, хотя тогда они у лосёнка ещё не выросли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.